

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ЭКСПАНСИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПАНСИИ США XIX в.)

Статья посвящена изучению общетеоретических и методологических вопросов феномена экспансии с использованием в качестве конкретно-исторической основы материалов экспансии США XIX в. Рассматриваются концепции, описывающие взаимодействие государства с окружающим пространством – физико-географической и международно-политической средой – с целью установления над ним своего господства. Анализ существующих теоретико-методологических концепций выступает в качестве основы для создания собственной инструментальной базы для изучения экспансии.

Ключевые слова: экспансия; пространство и границы; история США.

Экспансия представляет собой неотъемлемый элемент международно-политической жизни, восходящий к моменту возникновения первых государств или даже квазигосударственных образований. Экспансия описывает способ взаимодействия коллективных субъектов политической жизни с окружающим пространством – физико-географической и международно-политической средой; целью данного взаимодействия являются покорение, подчинение, освоение или охват в какой-либо иной форме не охваченных ранее пространств. Феномен экспансии традиционно вызывает диаметрально противоположные оценки. В то время как апологеты экспансии утверждают, что расширение (в том числе, хотя и не только пространственное) – естественный и необходимый атрибут развития государства, средство распространения культуры и цивилизации, то оппоненты рассматривают это явление как форму агрессивных действий, направленных на порабощение и эксплуатацию других государств и народов для удовлетворения своекорыстных интересов правящих классов.

Экспансия, как и любое историческое явление, неоднозначно по своей сути. Ее изучение необходимо проводить как в конкретно-историческом, так и в теоретико-методологическом аспектах, в максимальной степени избегая априорных оценочных коннотаций. С одной стороны, разработку общетеоретических и методологических проблем феномена экспансии следует осуществлять, отталкиваясь от конкретно-исторического материала – взяв за основу опыт экспансии конкретной страны в четко очерченный исторический период. С другой – конкретно-историческое изучение феномена экспансии необходимо строить на основе уже имеющихся теоретических и методологических наработок. Комплексный характер явления обуславливает необходимость использования и привлечения концепций и методов из различных дисциплин – истории, политологии, политической социологии, теории международных отношений, геополитики, политической географии. Выбор экспансии США в XIX в. в качестве объекта исследования представляется обоснованным по многим причинам – именно в XIX в. США встали на путь экспансии и уверенно осуществляли движения в направлении, успехи на котором уже в следующем XX в. вознесут их на вершину мирового господства.

Отношения в парадигме «общество – пространство» (где под пространством, как уже было сказано, понимается как физико-географическая, так и международно-политическая среда) наиболее полно описываются посредством геополитических концепций и теорий. Объектом изучения геополитики, в основе которой ле-

жит тезис о влиянии географической среды на развитие человеческого общества, являются закономерности пространственного развития и взаимодействия государств как коллективных субъектов политической жизни. Однако существует ряд сложностей использования геополитических построений при изучении феномена экспансии. Во-первых, несмотря на более чем вековую историю существования, институционализация геополитики в качестве науки пока еще далека от завершения. Функционируя в рамках общего понятийного поля, геополитика пока еще не имеет единого научного инструментария и устоявшейся научной методологической базы. Во-вторых, многие геополитические построения имеют достаточно тенденциозный характер, что связано с высокой степенью идеологизированности геополитики как таковой. Для многих авторов, в особенности для представителей классической геополитики рубежа XIX–XX вв., характерно апологетическое отношение к экспансии, что обуславливает необходимость использования их концепций с большой долей осторожности – главным образом в качестве точки отсчета для концептуального осмысления феномена экспансии.

Проблемы экспансии находились в центре внимания немецкого исследователя Фридриха Ратцеля, стоявшего у истоков одновременно двух дисциплин – геополитики и политической географии. Для Ратцеля характерен органистический взгляд на государство: «Государство представляет собой живой организм и, таким образом, не может быть ограничено жесткими рамками». При этом «территория государства не является четко определенным пространством, фиксированным на все времена... форма и размеры государства зависят от его жителей, в движении которых, проявляющихся посредством роста или уменьшения территории, оно участвует» [1. С. 351]. Движения народа, по мнению Ратцеля, напоминают приливы и отливы, при том что «в истории редко происходит так, чтобы подобные движения происходили на незанятых территориях; как правило, они принимают форму вторжений и захватов, иначе говоря, малые территории со своими жителями поглощаются более крупными. Схожим образом, эти более крупные государства распадаются на части, и эти объединения и распад, расширение и сжатие, составляют значительную часть того исторического движения, которое с точки зрения географии представлено разделением земной поверхности на более крупные и мелкие части» [1. С. 351]. Указанная статья представляет собой английский перевод фрагмента работы Ратцеля, вышедшей ранее в том же году в Германии [2].

Пространственный рост, по мнению Ратцеля, является естественным элементом развития государства: «территория государства увеличивается вместе с уровнем его цивилизации», «история каждой страны – это история последовательного развития его географических условий», территория является «мерилом политической силы и предметом воцелений, на который направлены усилия государства» [1. С. 352–353, 360]. При этом Ратцель, вопреки широко распространенным представлениям, не рассматривал захват территорий как самоцель. «Рост, который не идет дальше аннексий, создает лишь рыхлое объединение, легко расчленяемое на части, которые лишь на время связаны вместе», объясняя такую ситуацию тем, что «механическое объединение территорий различного размера, с различным населением и находящихся на различных уровнях культурного развития, дает начало органическому росту благодаря сближению, взаимодействию и смешению жителей» [1. С. 355]. Ратцель признает, что присоединение новых территорий не является единственной целью развития государства: «...усилия государств не ограничиваются расширением территории» [1. С. 360]. Не менее важным для него представляется освоение имеющейся территории, в том числе развитие транспортной инфраструктуры, а также иные, нетерриториальные формы экспансии: распространение политического влияния, выстраивание государственно-политической системы соседних государств по своему образцу, экспорт религиозных взглядов и ценностей, торгово-экономическая экспансия [1. С. 351–352, 360–361; 2].

Хотя в центре интересов Ратцеля в первую очередь находилась родная для него Германия, североамериканской проблематикой он владел в полной мере. После возвращения Ратцеля из двухлетнего путешествия по Северной и Центральной Америке из-под его пера вышли сначала книга «Города и культурная жизнь Северной Америки» (1876) [3], а затем двухтомный труд «Соединенные Штаты Северной Америки» (первый том «Границы и природа», 1878; второй том «Культурная география с учетом экономического развития», 1880) [4]. Влияние Ратцеля (в первую очередь вышедшей в 1882 г. работы «Антропогеография», где Ратцель также подробно останавливается на проблеме территорий и границ [5. С. 113–143]) явственно ощущается в работах американского историка Фредерика Джексона Тернера, который в начале 1890-х гг. озвучил концепцию границы (фронтира) и ее особой роли в американской истории [6; 7. С. 113–115; 8. С. 61].

Самого Ратцеля проблема границ интересовала в более широком контексте развития и эволюции государств: «Территориальный рост осуществляется на периферии государства посредством перемещения границы. Государство, которое стремится овладеть определенными территориями, выбрасывает отростки, которые наполнены гораздо более активной жизнью, чем остальная периферия... Границы Германии, по мере ее продвигания на восток, укреплялись и колонизировались шаг за шагом по мере завоевания, и подобный процесс повторился в Соединенных Штатах Америки и в Аргентине, где за несколько лет выросли большие города на месте примитивных укреплений на границе с индейцами» [1. С. 356]. При этом Ратцель четко проводит

различие между европейским пониманием границы как «хорошо определенной линии», и подходом к границе, характерным для Соединенных Штатов, а также для европейских держав в колониях – за пределами традиционного европейского мира государства «занимают не имеющие четких границ территории», там важны «не линии, но позиции», поскольку государство окружено «пустым в политическом смысле пространством» [1. С. 357]. В своей фундаментальной работе «Политическая география», увидевшей свет в 1897 г., Ратцель обозначил указанный контраст еще более рельефно: Тернер «противопоставляет динамическую границу западной экспансии, идущую вперед волну, передовой край роста, в котором примитивные условия постоянно себя воспроизводят, статической европейской границе, расположенной среди густо населенных территорий» [9. С. 612].

Если Фридрих Ратцель является основателем германской школы геополитики, то у истоков национальной американской геополитической школы стоит американский адмирал и историк Альфред Мэхэн. Мэхэн известен в первую очередь разработкой концепции морского могущества, соответственно в плане территориальных приобретений его в первую очередь интересовали заморские колонии: «Колонии, привязанные к своей метрополии, представляют поэтому вернейшие средства для поддержки за границей морской силы страны» [10. С. 83]. При этом, по мнению Мэхэна, «колонизация, как и всякое дело, подлежащее развитию, имеет тем больший залог успеха, чем более она естественна», соответственно «наиболее прочные основания» имеют «колонии, которые возникают из сознательных потребностей и естественных побуждений всего народа» [10. С. 55]. К сожалению для Мэхэна, к концу XIX в., когда создавались его труды, Соединенные Штаты не могли похвастаться особыми достижениями в плане приобретения заморских колоний. Однако обращаясь к опыту американской истории, Мэхэн прослеживает основные вехи континентальной экспансии США. В начале XIX в. «Соединенные Штаты были не просто континентальной державой, какой они являются сейчас, но они были одной из многих примерно равных по силе, когда речь шла о Северной Америке», но для реализации своей цели – «овладеть территорией, с которой были связаны наши интересы», США «вступили на путь действий, точно такой же, какому бы следовало европейское континентальное государство в подобных обстоятельствах» [11. С. 142–143]. При этом Мэхэн отмечает, что «цивилизованный человек все более и более нуждается и ищет территории, которые он мог бы занять, пространство, на которое мог бы расшириться и где он мог бы жить. Как и любые естественные силы, такой импульс принимает направление наименьшего сопротивления, но когда в этом движении на его пути оказывается регион, обладающий большим потенциалом, неиспользуемым из-за неспособности или небрежности обитающего там народа, некомпетентный народ или система вынуждены уступить, и менее развитый народ всегда отступает и исчезает перед настойчивым давлением более развитого» [11. С. 165–166].

Тот факт, что «цивилизованные и высокоорганизованные народы преступают через техническое право владения предыдущих обитателей этих земель», примером чего выступают «наши собственные взаимоотно-

ношения с американскими индейцами», по мнению Мэхэна, является «неизбежностью». Данную тенденцию Мэхэн обосновывает тем, что «не существует неотъемлемого права какого-либо сообщества контролировать использование региона, если это происходит во вред мира в целом, или их соседей в частности, или даже иногда их собственных подданных» [11. С. 167]. Неспособность большей части мира «реализовать потенциал, которым обладает территория», наряду с «избыточной энергией развитых стран, как правительство, так и народ которых испытывают недостаток благоприятных возможностей и скудность средств к существованию внутри страны», является причиной «агрессивного беспокойства» европейских стран. Подобное поведение, по мнению Мэхэна, не характерно для Соединенных Штатов, которые более не ищут территориальных приобретений, но призваны «обеспечить более слабым странам Америки, несмотря на различие национального и политического происхождения, свободу политического развития... без вмешательства правительств, чуждых этим странам». США сами «взяли на себя эту обязанность», основываясь не на «политической филантропии», но на «близости интересов, на которые влияют подобные иностранные вмешательства» [11. С. 168–169].

Американский историк Фредерик Джексон Тернер, автор концепции фронта, как правило, рассматривается вне геополитического контекста, что вдвойне удивительно. Во-первых, в связи с уже упоминавшимся пересечением и взаимовлиянием идей Ратцеля и Тернера, во-вторых, поскольку концепция Тернера геополитична по своей сути – развитие государства рассматривается в ней через призму пространственного фактора. В центре внимания Тернера находятся исключительно Соединенные Штаты и эволюция их взаимоотношений с окружающим пространством.

Ход американской истории Тернер представляет следующим образом: «Экспансия является основным законом американской жизни. В договорах, которые фиксируют последовательные приращения территории Соединенных Штатов, мы можем прочесть историю приобретения государством его физической основы, основы, сравнимой по размерам и ресурсам не с какой-либо одной европейской страной, но с Европой в целом» [12. С. 41]. Покупка Луизианы представляла собой «решающий шаг на пути становления независимых Соединенных Штатов как мировой державы... Совершенно естественным было последовавшее приобретение Флориды, Техаса и Дальнего Запада» [13. С. 189]. «На протяжении примерно трети столетия после окончания Гражданской войны энергия Союза была направлена на экономическое завоевание огромных пространств, вошедших в состав основной территории страны. В 1892 г. глава бюро переписи населения заявил, что карты плотности населения более не могут обозначать линию границы, которая бы служила внешним краем продвигающихся вперед поселений. Эра колонизации подходила к концу. Свободные земли быстро распределялись, и Союз быстро приближался к положению заселенных штатов... В эту эпоху старое движение вширь явственно проявилось в новой форме в ходе испано-американской войны и

приобретения заморских территорий» [12. С. 46]. Развитие Соединенных Штатов на протяжении чуть более чем одного столетия Тернер суммирует следующими словами: «Слабые атлантические колонии захватили территории, простирающиеся до другого конца континента, приобрели зависимые владения в Карибском бассейне, в Тихом океане и у берегов Азии, и они также обеспечили связь двух океанов посредством Панамского канала» [12. С. 47].

Однако гораздо больше, чем присоединение новых территорий, Тернера интересует освоение пространств, уже вошедших в состав Соединенных Штатов. «Существование зоны незаселенных земель, ее постоянное сокращение и продвижение американских поселений на запад объясняют развитие Америки» [13. С. 1]. Именно с этих позиций Тернер предлагает рассматривать фронт не как внешний рубеж, обозначающий предел государства, а как внутреннюю границу, границу освоенных территорий. Граница (фронт), по Тернеру, «представляет собой внешний край волны – место контакта дикости и цивилизации». «Американская граница резко отличается от границы европейской – укрепленной пограничной линии, проходящей через густо населенные местности. Наиболее важной чертой американской границы является то, что она находится на ближнем к нам крае свободных земель. В докладах бюро переписи населения она трактуется как рубеж территорий с плотностью населения не менее двух человек на квадратную милю... Мы будем рассматривать весь пограничный пояс, включая земли, населенные индейцами, и внешний край “заселенной территории”, как она определяется в переписях населения» [13. С. 3]. Современный американский географ Дональд Мейниг суммировал концепцию Тернера касательно освоения западных земель в виде следующих стадий: 1) дикая местность; 2) торговый фронт; 3) скотоводческий фронт; 4) фермерский фронт; 5) зона интенсивного сельского хозяйства; 6) рост городов и промышленности [14. Т. 2. С. 260–261].

В данном контексте необходимо отметить, что ключевую роль колонизации как освоения новых пространств в становлении и развитии уже Российского государства обращали внимание русские историки, не уступая в первенстве ни своим немецким, ни американским коллегам. Так, в пятом и шестом томах (увидевших свет в 1855–1856 гг.) своей фундаментальной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьев пишет: «Мы видели, что одним из господствующих явлений древней русской жизни была колонизация – постепенное население пустынных пространств Восточной Европы и потом Северной Азии. Как обыкновенно бывает в странах колонизирующихся, усевшаяся часть народонаселения, предавшаяся постоянному труду земледельческому, выделяет из себя людей, которых характер и разные другие обстоятельства, находящиеся в большей или меньшей связи с их характером, заставляют выходить из общества и стремиться в новые, незанятые страны. Понятно, что эти люди, предпочитающие новое старому, неизвестное известному, составляют самую отважную, самую воинственную часть народонаселения; в истории колонизации они имеют великое значение как проводники колони-

зации, пролагатели путей к новым селищам... Так границы государства населялись казаками» [15. Кн. 1. Т. 5. С. 1684]. Далее С.М. Соловьев продолжает: «Мы видели уже, как вследствие географического положения древней России, открытости границ со всех сторон, соприкосновенности их с степями и пустынными пространствами, как вследствие одного из господствующих явлений древней русской жизни – колонизации – общество должно было постоянно выделять из себя толпы людей, искавших приволья в степи, составлявших передовые дружины колонизации, по имени зависевших от государства, на деле мало обращавших внимания на его интересы и по первоначальному характеру своему, и по одичалости в степях, и по безнаказанности, которая условливалась отдаленностью от государства и слабостью последнего» [15. Кн. 2. Т. 6. С. 313]. Схожие идеи можно найти у В.О. Ключевского: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней». В результате «переселение, колонизация страны были основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты» [16. Т. 1. С. 50–51]. В данном контексте стоит обратить внимание на применимость теоретических построений С.М. Соловьева и В.О. Ключевского к изучению экспансии США.

Выдающийся русский географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский предложил схему типологизации территориальной экспансии, выделив три системы «территориального владения». Согласно предложенной классификации «две огромные страны северного полушария – Россия и Соединенные Штаты Северной Америки» использовали систему Александра Македонского «через континент от моря до моря». Основной сложностью, с которой связана данная система, является то, что «при громадной протяженности такой системы в широтном направлении, всегда с того конца, откуда началась колонизация, находится гораздо более густо населенная и экономически более развитая территория, чем на противоположном конце» [17. С. 438–440]. При этом Соединенные Штаты, по мнению В.П. Семенова-Тянь-Шанского, обладали существенным преимуществом перед Россией, которое заключалось в отсутствии «серьезных угроз со стороны политических соседей того же материка». Подобная ситуация давала американцам возможность «спокойно перелить порядочную колонизационную волну к противоположному океану и экономически укрепить ее, а затем уже в тиши заполнять слабее всего населенный географический центр своей государственной территории». В то же время в условиях России «колонизация имеет вид постепенно суживающегося, зазубренного меча, тончающего и слабеющего на своем восточном конце, вклинившегося между суровыми в климатическом отношении территориями севера Азии и исконными землями самого обширного государства желтой расы» [17. С. 440]. С точки зрения В.П. Семенова-Тянь-Шанского, «необходимым условием развития государства «в условиях растянутой государственной территории является неотложное доведение географического центра такой

территории по возможности до одинаковой или близкой степени густоты населения и экономического развития» с так называемым коренным концом государства, до возможного выравнивания их. Инструментом освоения имеющейся территории «во всяком государстве» выступают «культурно-экономические колонизационные базы». В.П. Семенов-Тянь-Шанский уподобляет их очагам, которые, «посылая свои лучи во все стороны, поддерживают настоящим образом прочность государственной территории и способствуют более равномерному ее заселению и культурно-экономическому развитию» [17. С. 440, 442].

Из современных авторов наиболее глубокая проработка вопросов освоения Соединенными Штатами необъятных просторов Северной Америки принадлежит американскому географу Дональду Мейнигу, специалисту в области исторической географии и геополитики, автору фундаментального четырехтомного исследования, посвященного пространственной эволюции США [14]. Мейниг выступает в качестве последователя антропологического направления геополитики, у истоков которого находятся русский социолог Л.И. Мечников и французский географ Поль Видаль де ла Блаш. По мнению Л.И. Мечникова, «историческая ценность той или иной географической среды – предполагая даже, что она в физическом отношении остается неизменной – может и будет различаться в зависимости от степени способностей, которыми обладают или приобретают ее обитатели, к единомыслию и добровольному сотрудничеству» [18. С. 41]. Видаль де ла Блаш рассматривает человека как «географический фактор», фактор, который может быть «активным и пассивным, а зачастую является одновременно и тем и другим» [19. С. 13]. Первое издание книги Видаль де ла Блаша вышло в Париже в 1921 г.

География для Мейнига является «особым взглядом на мир» и одновременно «проверенной временем основополагающей стратегией восприятия крупных и сложных проблем». Под «географическим *ростом*» применительно к американской истории подразумевается не «псевдоестественный процесс какого-либо рода», а «историческое развитие от группы неустойчивых европейских плацдармов к трансконтинентальному государству и, на сегодняшний день, макрокультуре общемирового масштаба». Под «*географическим* характером, структурой и системой» имеется в виду не «предопределение исторического развития природными условиями», а «создание человеком пространства и системы сети взаимоотношений между ними» [14. Т. 1. С. XV].

Критикуя географический детерминизм и вытекающие из подобного подхода разного рода упрощения, Мейниг считает необоснованным взгляд на экспансию США как на итог «естественного» хода развития страны, достигшей своих «естественных» рубежей. Он рассматривает экспансию США в качестве комплексного явления, результата исторической возможности и географического расчета; при этом экспансия одновременно выступала в роли средства самосохранения в столкновении с конкуренцией со стороны европейских колониальных держав [14. Т. 2. С. 199–203]. Мейниг выделяет следующие механизмы территориаль-

ных приобретений, используемые Соединенными Штатами в процессе экспансии: 1) покупка; 2) выдвижение территориальных претензий с последующим компромиссным размежеванием; 3) военное завоевание и аннексия; 4) военная оккупация с последующей аннексией; 5) частные военные инициативы; 6) добровольное вхождение; 7) колонизация иностранной территории с последующей сецессией [14. Т. 2. С. 204–209].

Стремительное освоение Соединенными Штатами присоединенных территорий стало возможным, по мнению Мейнига, в результате следующих четырех причин: 1) доступности качественной земли по умеренным ценам; 2) низкого уровня освоенности просторов североамериканского континента коренными обитателями и их открытость для освоения американскими гражданами; 3) невмешательства государства в процесс освоения территорий и его передачи на откуп частной инициативе; 4) параллельного развития транспортной инфраструктуры, в том числе в результате «транспортной революции» [14. Т. 2. С. 255]. При этом Мейниг посвоему переосмысливает стадии освоения западных земель, которые он выделяет в концепции Тернера. По Мейнигу данные стадии выглядят следующим образом: 1) индейское общество; 2) имперский фронт; 3) торговый фронт; 4) фронт спекулянтов; 5) реорганизация и избирательный рост; 6) движение к национальной консолидации [14. Т. 2. С. 262–263]. По мнению Мейнига, вплоть до Гражданской войны (1861–1865) для Соединенных Штатов была характерна следующая четырехступенчатая пространственная организация: центр (три «столицы» – Вашингтон, Нью-Йорк, Бостон), «ядро» (области, прилегающие к линии Бостон–Нью-Йорк–Филадельфия–Балтимор, включая Вашингтон, Питтсбург, Олбани и Буффало), полупериферия (все штаты США, за исключением перечисленных выше областей) и периферия (западные самоуправляемые территории или земли, не имеющие территориального статуса) [14. Т. 2. С. 418–428].

Анализ существующих теоретико-методологическом концепций, пригодных для изучения феномена экспансии, является основой для создания собственной инструментальной базы для изучения экспансии. Конкретно-исторической основой для разработки данного инструментария является материал истории США XIX в., однако предлагаемые схемы можно с успехом использовать для других стран и иных периодов, в том числе и для изучения экспансии России.

Экспансия представляет собой комплексный процесс освоения пространства. Объектом экспансии может являться как международно-политическая, так и физико-географическая среда. В первом случае речь идет о присоединении, подчинении или охвате в какой-либо иной форме новых для государства пространств или территорий (внешняя экспансия); второй подразумевает хозяйственное освоение уже имеющихся у государства территориальных массивов (внутренняя экспансия). При этом внешняя экспансия может осуществляться в двух формах: прямой (территориальная экспансия, она же – экспансия прямого присоединения), распадающейся на экспансию континентальную (присоединение сопредельных и прилежащих территорий) и колониальную (присоединение заморских владений);

и косвенной (экспансия влияния), включающей военнополитическую, экономическую и идеологическую составляющие. Развитие вширь (внешняя экспансия) теоретически не исключает развития вглубь (внутренняя экспансия), однако успех при одновременном движении в обоих направлениях требует виртуозного использования имеющихся ресурсов (как правило, ограниченных) – людских, материальных, финансовых. Как правило, фазы активного присоединения новых территорий чередуются с периодами интенсивного освоения имеющихся земель и подготовки новых приобретений. При этом скорость внутренней экспансии в разных частях страны может существенно различаться в зависимости от привлекательности данной конкретной области и расстановки внутригосударственных хозяйственных приоритетов.

Внешняя экспансия, осуществляемая на международном уровне, подразумевает взаимодействие с другими участниками международных отношений. В результате для экспансии прямого присоединения возникает необходимость классификации территорий по их предшествующей правопринадлежности и способу приобретения. В зависимости от их предыдущего владельца приобретаемые территории делятся три группы: владения великих держав; владения стран «второго эшелона»; так называемые «пустоши, ничейные земли (на которые обычно имеется несколько претендентов). По способу приобретения территории можно ранжировать в зависимости от используемых методов – по шкале от военно-конфронтационных до мирно-дипломатических. С одного края будут находиться завоевание (захват в ходе вооруженного конфликта) и военная оккупация без объявления войны, с другого – продажа (или иная мирная уступка) и раздел по взаимной договоренности.

Важным элементом изучения процесса экспансии является его стадийное членение. Внешняя экспансия на территориальном этапе включает в себя следующие стадии, последовательно сменяющее друг друга. Первая стадия – подготовительная, подразумевающая ведение информационно-пропагандистской кампании (внутри страны и за ее пределами) и начало физического проникновения на оспариваемые территории. Вторая стадия – собственно присоединение, которое может носить как взрывной (одномоментный) характер – аннексия, так и плавный (постепенный) – оккупация. Наконец, третья стадия – институционализация осуществленных приобретений, включающая консолидацию и фиксацию границ, а также отказ от всяческих прав и правопритязаний (реальных или мнимых) и снятие возможных территориальных претензий со стороны бывшего владельца территорий или же третьих держав, так или иначе причастных к пространственному размежеванию. Внутренняя экспансия, равно как и экспансия внешняя, включает три стадии, каждая из которых представляет собой комплексный и длительный процесс, в результате чего указные стадии внутренней экспансии частично накладываются друг на друга, а их сочетание носит последовательно-параллельный характер. Первая стадия – заселение; важнейшим инструментом привлечения поселенцев являются условия доступа к свободным землям. Вторая стадия – админи-

стративная организация территориального управления, которая носит в США двухступенчатый характер (самоуправляемая территория – штат); возможность изменения административного статуса напрямую зависит от численности населения. Наконец, третья стадия – создание инфраструктуры, включающей формирование линий коммуникаций (для XIX в. – строительство каналов и железных дорог), развитие городов и промышленных центров, совершенствование банковской системы, для чего требуется как определенная численность населения, так и соответствующий административный статус.

Американская экспансия на протяжении всей истории США подразделяется на четыре четко различимых (хотя зачастую и накладывающихся друг на друга) этапа: континентальный, колониальный, экономический и военно-экономический. Истоки американской экспансии следует искать в колониальном периоде истории США, когда она выступала в качестве продолжения колониальной экспансии Великобритании на северо-американском континенте. На XIX в. приходится основные достижения континентальной экспансии и начало экспансии колониальной. Внешний импульс континентальной экспансии был исчерпан в ходе Гражданской войны, после завершения которой можно говорить о переходе к колониальной экспансии. В своем внутреннем аспекте континентальная экспансия про-

должалась вплоть до рубежа XIX–XX вв. Ее завершение связано с двумя событиями, отстоящими друг от друга на два десятилетия: официальным объявлением об исчезновении фронта, сделанным руководителем бюро переписи населения по итогам переписи 1890 г., и присвоением в 1912 г. статуса штата Нью-Мексико и Аризоне, последним двум из 48 штатов, составляющих основной массив американской территории. Ф.Дж. Тернер приводит следующие слова Р.П. Портера, главы бюро переписи населения (суперинтенданта по цензам): «До 1880 года включительно страна имела границу заселения, но сейчас незаселенная территория до такой степени испещрена изолированными поселениями, что говорить о пограничной линии едва ли возможно. Предметом дискуссии стала ее протяженность, продвижение на запад и т.п., следовательно, ей не может больше уделяться внимания в цензовых отчетах» [13. С. 1].

Первая половина XX в. стала временем перехода от прямых форм экспансии к косвенным. Именно косвенные формы господства над пространством играют определяющую роль в начале XXI в. Американская экспансия продолжается и сегодня, в той форме, которую приняла после окончания Второй мировой войны. Распространение влияния США на другие страны осуществляется в форме установления политического, военного экономического и идеологического доминирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ratzel F.* The Territorial Growth of States // *Scottish Geographical Magazine*. July, 1896. Vol. 12, № 7.
2. *Ratzel F.* Die Gesetze des räumlichen Wachstums der Staaten. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen politischen Geographie // *Petermanns Geographische Mitteilungen*. Jg 42. 1896. № 5.
3. *Ratzel F.* Städte- und Kulturbilder aus Nordamerika. Leipzig, 1876.
4. *Ratzel F.* Die Vereinigten Staaten von Nord-Amerika. München, 1878–1880. Bd. 1–2.
5. *Ratzel F.* Anthro-Geographie oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart, 1882.
6. *Turner F.J.* The Significance of the Frontier in American History // *Annual Report of the American Historical Association for 1893*. Washington, 1894.
7. *Billington R.A.* Frederick Jackson Turner: Historian, Scholar, Teacher. N.Y., 1973.
8. *Steinweis A.E.* Eastern Europe and the Notion of the «Frontier» in Germany to 1945 // *Germany and Eastern Europe. Cultural Identities and Cultural Differences*. Amsterdam, 1999.
9. *Ratzel F.* Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. München; Berlin, 1903.
10. *Mahan A.T.* Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. Boston, 1890.
11. *Mahan A.T.* Interest of America in Sea Power, Present and Future. Boston, 1897.
12. *Turner F.J.* Territorial Development of the United States // *Harvard Classics* Vol. 51. N.Y., 1914.
13. *Turner F.J.* Frontier in American History. N.Y., 1920.
14. *Meinig D.W.* Shaping of America. A Geographical Perspective on 500 Years of History. Binghamton, N.Y., 1986–2004. Vol. 1–4.
15. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. 1–6.
16. *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1987–1990. Т. 1–9.
17. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // *Известия Императорского русского географического общества*. Пг., 1915. Т. 51, вып. 8.
18. *Metchnikov L.* La civilization et les grands fleuves historique. Paris, 1889.
19. *Vidal de La Blache P.* Principes de géographie humaine. Paris, 1955.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 января 2011 г.